

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию

Жанабиловой Асель Булатказыевны

на тему: «**Наследование цифровых активов**», представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук по научной специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

По справедливому замечанию автора диссертации относительно проблематики, избранной А.Б. Жанабиловой для исследования: «сама тема является достаточно новой и малоизученной, хотя бы по той причине, что ещё только происходит накопление эмпирического материала. Однако проблема уже встала перед правоприменителями и требует осмысления и выработки научно-обоснованных подходов.» (стр. 15 диссертации). Очевидно, именно данным обстоятельством объясняется необычность (на взгляд российского юриста) продемонстрированного в диссертации подхода к предмету исследования, поскольку под именем «цифровых активов» автором группируются весьма разнородные объекты – от криптовалюты до адресов электронной почты и от обремененных в цифровую форму прав на объекты материального мира до аккаунтов в социальных сетях. Пожалуй, единственным общим знаменателем для всех этих «цифровых сущностей» является их бытие исключительно в электронной форме.

Диссертация состоит из трех глав, соответственно первая из которых посвящена теориям, объясняющим и обосновывающим правовую природу «цифровых активов», вторая – актуальным особенностям правового регулирования оборота «цифровых активов» в России и в Казахстане и их сравнению, а третья – целесообразности и особенностям наследования учетных записей. Упомянутые главы дробятся на параграфы. Отдельное внимание уделяется вопросам критике пользовательских соглашений в части содержащихся в них условий о правопреемстве. В Заключение подводится итог диссертационного исследования, содержатся авторские выводы.

Несмотря на в целом положительную оценку результатов диссертационного исследования, по прочтении данного текста остается несколько принципиальных вопросов, которые требуют пояснения в ходе защите диссертации, а именно:

1) На стр. 86 диссертации автор солидаризуется с определением криптовалюты как «совокупности электронных данных (цифрового кода или

обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, *денежной единицей иностранного государства* [курсив наш – А.Р.] и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций».

Однако, как известно, в расположенном в Центральной Америке государстве Сальвадор в 2021 году был принят закон о присвоении биткоину статуса официального платежного средства¹, позволяющий использовать его для любых платежных операций, включая уплату налогов, наравне с долларом США — официальной валютой страны с 2001 года, когда Сальвадор отказался от эмиссии своей национальной валюты.

В начале 2025 года под давлением МВФ Конгресс Сальвадора одобрил реформу Закона о биткоинах, убрав из описания биткоина в тексте закона слово «валюта», и сняв таким образом с участников рынка обязанность принимать Bitcoin в качестве законного платежного средства в стране. Теперь принятие биткоина в качестве исполнения по денежному обязательству в Сальвадоре стало возможно лишь по желанию обеих сторон, что заставляет считать подобную транзакцию разновидностью отступного, а сам биткоин — не законным платежным средством, а одним из видов имущества².

В этой связи возникает вопрос — что мешало признать биткойн иностранной валютой (а именно — валютой Сальвадора) в России и Казахстане в период с 2021 по 2025 год, когда биткоин имел статус национальной валюты Сальвадора, воспринимая таким образом совершаемые в биткоине платежи как платежи, совершаемые в иностранной валюте, и оценивая их последствия с точки зрения российского и казахстанского национального законодательства о валютном регулировании и валютном контроле?

Ответ на этот вопрос очевидно имеет непосредственное отношение и к наследованию биткоина.

¹ Bitcoin стал официальной валютой Сальвадора / <https://www.ixbt.com/news/2021/09/08/bitcoin-stal-oficialnoj-valjutoj-salvadora.html>

² Страна, первой принявшая Bitcoin в качестве национальной валюты, отказывается от своей идеи. Сальвадору нужны деньги МВФ / <https://www.ixbt.com/news/2025/02/03/strana-pervoj-prinjavshaja-bitcoin-v-kachestve-nacionalnoj-valjuty-otkazyvaetsja-ot-svoej-idei-salvadoru-nuzhny-dengi.html?ysclid=mb220qdf1p547374422>

Поскольку пример Сальвадора – не уникальный, и ему уже попыталась последовать в 2022 – 2023 годах Центрально-Африканская Республика³, в более широком контексте тот же вопрос может быть переформулирован следующим образом: как должны реагировать правовые системы России и Казахстана в будущем на придание какой-либо криптовалюте статуса национальной валюты иностранного государства, при том что данная криптовалюта эмитируется не Центральным банком или иным органом, данным государством уполномоченным?

2) На стр. 50 диссертации и далее автор присоединяется к точке зрения профессора М. К. Сулейменова, подвергающего критике общие формулировки закона Казахстана, в соответствии с которыми цифровые активы одновременно выступают и в качестве имущества, и в виде электронно-цифровой формы удостоверения уже существующих имущественных прав. По его (разделяемому автором диссертации мнению) «логическая противоречивость такой конструкции не позволяет дать ответ на вопрос: цифровой актив - это имущество или форма удостоверения прав на имущество?»

С мнением об уязвимости для критики понятия «цифровой актив» в смысле приданном ему казахстанским законодателем или «цифровое право» в смысле, придаваемом данному понятию в российском законе можно согласиться лишь с точки зрения известной алогичности объединения в рамках одной категории прав на объекты исключительно виртуальные (например, криптовалюты) - с одной стороны, и облекаемых в электронную цифровую форму прав на аналоговые, то есть реальные объекты материального мира, которые ранее удостоверялись записями на материальном носителе («обеспеченные цифровые активы» в терминологии казахстанского законодателя) или прав требования в отношении реальных товаров, работ или услуг («утилитарные цифровые активы» в терминологии российского законодателя) – с другой стороны.

В то же время следует отметить, что сама по себе конструкция сочетания имущества как объекта прав и того же имущества как формы удостоверения (и более того – формы бытия) имущественных прав не нова. Эта идея давно воплощена в понятии «ценная бумага».

³ [Только две страны официально легализовали BTC в качестве законного платежного средства | Rulsher на Binance Square](#)

До конца XX века такая бумага представляла собой документ, в этом смысле будучи вещью – физическим телом, имеющим пространственные границы, а значит - объектом вещных прав. Но в то же время данный документ удостоверял существование иных прав, оборотоспособность и само наличие которых определялись оборотоспособностью и реальным существованием документа как вещи, выступающей таким образом формой бытия удостоверяемых данным документом прав.

Как известно, в конце прошлого века с наступлением «компьютерной эры» произошла стремительная «дематериализация» многих видов ценных бумаг, которые превратились из документов, воплощенных на бумажном носителе, в бесплотные знаки в электронных реестрах, удостоверяющие юридическое бытие определенного права, что привело в итоге к появлению в законодательстве парадоксального понятия «бездокументарная ценная бумага», то есть по сути – бумага, не являющаяся таковой.

В этом смысле понятия «обеспеченный цифровой актив» или «утилитарное цифровое право» не добавляют ничего нового.

В то же время обсуждаемая предпосылка рассуждений автора диссертации приводит к некоторым выводам, которые вполне поддаются проблематизации.

Так, А.Б. Жанабилова, солидаризируясь на стр. 63 диссертации с мнением М.К. Сулейменова о том, что ««цифровые активы» - это всего лишь электронно-цифровая форма уже известных прав», на предшествующей странице делает прямо вытекающий из этой посылки вывод о том, что: «признание цифровых объектов третьим видом имущества не исключает применение к ним *mutatis mutandis* правовых механизмов, которые уже применяются к традиционным видам имущества, например норм о защите добросовестного приобретателя по возмездной сделке», и заключает: «Данное обстоятельство в существенной степени устраняет потенциальные негативные эффекты, связанные с неприменимостью к цифровым активам традиционных инструментов защиты, присущих вещному праву. На наш взгляд, вполне допустимо, признавая цифровые активы самостоятельным видом объектов прав, применять к ним и вещно-правовые способы защиты в части, не противоречащей существу таких активов».

Такая логика рассуждений – не нова, поскольку именно следуя ей, российская судебнo-арбитражная практика и часть отечественной доктрины в свое время пошли по пути механического применения норм о виндикации к

«бездокументарным ценным бумагам», не обращая внимания на то, что такой иск всегда будет *vindicatio quantitatis* («виндикация количества»), ввиду определяемого правилами ведения электронных реестров отсутствия у бездокументарных ценных бумаг присущей вещам как предметам физического мира индивидуальной определенности.

Адекватность упомянутого подхода с учетом возможности применения «анalogии закона» уже стала вопросом истории права, поскольку ныне законодателем предусмотрены иные способы защиты прав обладателей бездокументарных ценных бумаг и соответственно определяющие их применение правила.

Однако появление в российском законодательстве понятия «цифровые активы» предсказуемо вызвало к жизни в отечественной доктрине и идею о возможности их виндикации.

Проблема в том, что, насколько известно автору этих строк, использованию в данном случае вещно-правовых способов защиты препятствует технология блокчейна, к которой привязываются электронные базы, отражающие «цифровые права». Цепочку записей в блокчейне можно лишь продолжить, но никакую ее часть нельзя аннулировать или, используя юридическую терминологию, «признать ничтожной».

В этом смысле блокчейн похож на существующие в некоторых юрисдикциях правила ведения реестра прав на недвижимость по «системе Торренса», согласно которой не внесенное в реестр право не существует, но внесенное в него (даже на основании ничтожного или незаключенного договора) право существует всегда вплоть до момента внесения в реестр записи о принадлежности (на будущее время) данного права иному правообладателю.

Иначе говоря, при такой системе утраченное право может возвратиться к правообладателю, но невозможно считать, что он никогда его не лишился.

В таком случае защита лица, лишенного записи о своем имущественном праве в реестре (а значит — и самого данного права) возможна лишь посредством иска о возврате неосновательного обогащения в натуре, направленного на возврат утраченного права, или имеющего ту же правовую природу реституционного притязания, и наконец — с помощью деликтного иска, но никак не виндикации, предполагающей, что право остается у истца, и он лишь стремится привести фактическое положение дел в согласие с юридическим положением спорного имущества (вернуть фактическое

владение). Иными словами, технология ведения реестра на блокчейне жестко определяет изменения архитектуры связанного с ним правового регулирования.

Закономерно возникает вопрос: как диссертант прокомментирует данное полемическое возражение?

3) Последний вопрос вытекает из предыдущего: бурная цифровизация всего и вся, свидетелями которой мы являемся, приводит к облечению в цифровую форму имущественных прав на все новые классы и виды объектов реального мира.

Данный тезис как нельзя лучше иллюстрируется сообщением директора департамента финансовой политики Минфина РФ Алексея Яковлева в ходе пленарной сессии на XIII Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ) о том, что Министерство финансов России подготовило проект закона о токенизации активов реального сектора в рамках экспериментального правового режима (ЭПР). Согласно концепции данного законопроекта, процесс токенизации активов предусматривает разработку цифровых токенов на блокчейне, представляющих право собственности в базовом активе⁴.

Не кажется ли диссертанту (с учетом ответа, данного на предшествующий вопрос), что «маячащее на горизонте» переводение всех видов имущественных прав в цифровую форму на блокчейне будет иметь своим итогом кардинальную трансформацию традиционной для России и Казахстана архитектуры гражданского права, приведя к отмиранию виндикации и к неизбежному восприятию понятия «абстрактной распорядительной сделки», приводящей к переходу права даже при недействительности или несуществовании правового основания такого перехода. Ведь если приспособить правила блокчейна к действующему

⁴ Минфин предложил токенизировать активы реального сектора / <https://finance.mail.ru/2025-05-19/minfin-predlagaet-tokenizirovat-aktivy-realnogo-sektora-66191112/>

правовому регулированию технически невозможно, то адаптировать нормы гражданского права к правилам блокчейна – задача вполне выполнимая.

На иной взгляд, происходящая технологическая революция не приведет к появлению новой отрасли «цифрового права» лишь потому, что упомянутое «цифровое право» еще до признания его новой отраслью успеет поглотить традиционное гражданское право, превратив все существующие субъективные права в права «цифровые» с присущими им особыми правилами оборота и защиты.

В таком случае ситуация будет типологически похожа на гипотетически мыслимую ситуацию «исторической альтернативы», как если бы после появления в далеком прошлом понятия ценных бумаг по каким то причинам бытие всех имущественных прав было бы облечено в такую форму как единственно возможную.

Даже простое сравнение первых двух пунктов статьи 302 ГК РФ с ее же пунктом третьим наводит на мысль о том, насколько иначе выглядело бы в такой конфигурации правовое регулирование гражданско-правовых отношений.....

Как на фоне таких перспектив выглядит консервативная критика диссертантом (в унисон господствующей и в России и в Казахстане доктрине и в развитие мыслей американского судьи и ученого-юриста Ф. Истербрука) идеи о кардинальной трансформации частного права в «цифровую эпоху» (см. стр. 46 диссертации) ?

Как бы то ни было, Асель Булатказыевна Жанабилова в своем диссертационном исследовании в достаточной мере продемонстрировала способность к научному анализу, и ее диссертация является самостоятельным и творческим научным произведением.

С учетом всего вышесказанного полагаю:

Содержание диссертации Жанабиловой Асель Булатказыевны на тему: «Наследование цифровых активов» соответствует специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки ;

Диссертация является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития соответствующей отрасли знаний, либо изложены новые научно

обоснованные технические, технологические или иные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны

Нарушений пунктов 9, 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени мною не установлено.

Диссертация соответствует критериям, которым должны отвечать диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, установленным приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете» и рекомендована к защите в СПбГУ.

Председатель диссертационного совета

доктор юридических наук, доцент, профессор

кафедры гражданского права ФГБОУ ВО

«Санкт-Петербургский

государственный университет»

А.Д. Рудоквас

25 мая 2025 г.